

**Фразеологическое значение в свете фреймовой семантики<sup>1</sup>**

В статье с точки зрения современной когнитивной семантики фрейм рассматривается как когнитивная структура, которая формируется клише и штампами сознания и в итоге представляет собой «пучок» предсказуемых валентных связей (слотов) и ими предопределяемых ассоциаций, на основе которых формируются фразеологические значения.

**Ключевые слова:** фразеологическое значение, фрейм, концепт, стереотип, образ-схема, фрейм-сценарий.

N. F. Alefirenko  
Belgorod, Russia

**Phraseological Value in the Light of Frame Semantics**

In the article the frame is considered from the point of view of modern cognitive semantics as cognitive structure which is formed by a cliché and stamps of consciousness and as a result represents «bunch» of predicted valency links (slots) and associations predetermined by them on the basis of which phraseological values are formed.

**Keywords:** phraseological value, frame, concept, stereotype, an image-scheme, the frame-scenario.

Необходимость исследования природы и сущности фразеологического значения обуславливается его неопределённым статусом в системе современных лингвистических терминов (лексическое, грамматическое, словообразовательное и др. значения). Нередко его употребляют в нетерминологическом значении. В предыдущих работах раскрывается своеобразие фразеологического значения в рамках традиционной фразеологической семасиологии [2] и с точки зрения лингвокультурологии [3]. В настоящей статье ставится задача осмыслить фразеологическое значение в аспекте лингвокогнитивистики, в частности, показать его природу.

**1. Фреймовая природа фразеологической семантики.** Понятие фрейма вошло в современный лингвистический обиход благодаря популярности работ Ч. Филлмора, который определяет фреймы как особые унифицированные конструкции знания, или связанные схематизации опыта; как когнитивные структуры, знание которых ассоциировано с вербально представленными концептами. С точки зрения современной когнитивной семантики, фрейм определяется как когнитивная структура, которая формируется клише и штампами сознания и в итоге представляет собой «пучок» предсказуемых валентных связей

(слотов) и ими предопределяемых ассоциаций. Такого характера фрейм-структуры способны породить многие фраземы. Ср.: *И на глазах ошеломлённой общественности она швырнула папку в камин. Свёрток упал прямо на горящее полено и сбил пламя. По комнате прокатился вздох потрясения. – Ну, мистер, не-знаю-как-вас-зовут-и-знать-не-желаю, доставайте! Или вы привыкли, чтобы вам рукописи из огня другие таскали?* (Ю. Поляков. «Козлёнок в молоке»). За окказиональной фраземой *рукописи из огня другие таскать* стоит клише русского языкового сознания *таскать (доставать) каишаны из огня* для кого, кому – "выполнять очень трудную работу, результатами которой пользуется другой". Такая фразема реализует фрейм-структуру, направляющую ассоциативный поиск её смыслового содержания: «Или вы привыкли пользоваться результатами чужого труда, использовать для достижения своих целей других людей».

Л. Барсалу использует понятие «фрейм» в более широком и общепринятом в когнитивной психологии значении термина *схема*. При этом он наделяет фреймы теми же основными свойствами, что и пропозиции. Иными словами, они, в представлении учёного, характеризуются таким же предикатно-аргументным строением.

<sup>1</sup> Исследование выполнено в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2011 годы по Госконтракту П 1306.

Итак, понятие фрейма в когнитивную фразеологию «вписывается» достаточно органично:

- ♦ как иерархически организованная структура данных, которая представляет собой в семантике фраземы знания о какой-то стереотипной ситуации типа *хлебом не корми* кого – "ничего не надо кому-л. – только бы смочь получить желаемое";

- ♦ как когнитивная структура, представляющая во фраземе знания *в их динамике* и содержащая как общие, постоянные данные о релевантной ситуации или классе ситуаций, так и данные вариативные: *класть голову (жизнь, живот)* – "погибать, умирать; жертвовать собой"; *нести (городить) околицу (чепуху, чушь)* (грубо-прост.); *нести (пороть) ахинею (дичь, вздор, ерунду, галиматю, чушь)* (грубо-прост.) – "говорить, писать глупости, чепуху".

Хотя теория фрейма разрабатывалась безотносительно к идиоматике, для нужд когнитивной фразеологии могут быть препарированы основополагающие определения фрейма:

- 1) единица знаний, организованная вокруг некоторого концепта и содержащая данные о существенном, типичном и возможном для этого концепта в рамках определённой культуры (Т. А. ван Дейк; Р. Богранд и В. Дреслер): *как с гуся вода, лёд тронулся, два сапога пара*;

- 2) структура данных для представления стереотипной ситуации (М. Минский). Наиболее яркими из них являются фреймы «сходство/отличие», «начало/конец», «единство/разногласие», «успех/неудача», «правда/обман», «достаток/нужда», «разумность/бессмысленность» и др. Ср.: *на один покрой, на одну колодку – не пара, не в пример, как небо от земли* и т. п.;

- 3) тип когнитивной модели, репрезентирующей посредством фраземы знания и мнения, связанные с повторяющимися речемыслительными ситуациями (Ф. Унгерер, Х.-Й. Шмид): *раскрывать (открывать) <свои> карты; (и) калачом не заманить кого, как по нотам разыгрывать, пускать пыль в глаза кому*;

- 4) структура знания, объединяющая объекты косвенно-производной номинации (Дж. Тейлор): «Возражение» – *ни за что, ни в жизнь, ни за что на свете, ни за какие блага, ни за какие коврижки (пряники), ни под каким видом, ни в коем случае, никоим образом*.

Наиболее общей когнитивной единицей организации знания, вербализуемого

фразами, является *сценарий* («скрипт»), под которым понимается связная последовательность событий. Сценарий состоит из так называемых *виньеток* – вербальных или невербальных репрезентаций событий коммуниканта, его поведения, окружения и т. д. Виньетка рассматривается как набор некоторых схем.

Механизмом развития концептуальных структур в когнитивной фразеологии служит *образ-схема*, т. е. «повторяющийся динамический образец наших процессов восприятия и наших моторных программ, который придаёт связность и структуру нашему опыту» [7, с. 16]. В когнитивной психологии [4] когнитивная схема выступает главной единицей восприятия, следом, оставленным в памяти воспринятым явлением, включающим наиболее информативные, существенные признаки. Однако когнитивная схема не простая энграмма. Понятие «образ-схема» включает в себя не только план сбора и переработки информации об объектах и событиях, воспринимаемых органами чувств, но и *их взаимосвязь друг с другом, представляющую динамическую систему схем*.

С позиции интегративной теории репрезентации, разработанной Ж. Верньо, структурированная совокупность фреймовых структур позволяет нам ввести понятие когнитивно-дискурсивного поля фраземы, под которым понимаем набор ситуаций, структурированных с помощью тесно связанных между собой схем и концептов. Схема не является полным стереотипом, а представляет собой динамическое функциональное единство, состоящее из основных и промежуточных целей, антиципаций (предвосхищений, предугадывания событий, заранее составленных представлений о чём-нибудь), правил действия, операторных инвариантов, необходимых для порождения и восприятия фразеологической семантики.

Представление, гештальт и концепт – тесно переплетаются в лингвокреативном мышлении человека и в его практике косвенно-производного номинирования. Особенно это рельефно проявляется во фраземосемиозисе [1, с. 379].

**2. Структура фразеомобразующего фрейма.** Фрейм можно рассматривать как способ организации различных типов концептов, отличающихся по уровням сложности. Поскольку идиоматика диахронична, наиболее явно взаимодействие фрейма

и концепта обнаруживается на уровне современного фраземосемиозиса – неологизации и понимания неофраземы.

Действительно, в современном языке коммуникативно и прагматически значимая фрейм-структура обычно вербализуется неофразами. Полученная таким образом неофразама является вербальным аналогом фрейма, который обычно имеет форму пропозиции или набора пропозиций. Структура фрейма состоит из сети узлов и терминалов, которые обычно располагаются в два уровня. Верхние уровни фрейм-структуры содержат концептуальную информацию интенционального характера, нижние (терминалы) – вариативную информацию, привязанную к той или иной коммуникативно-прагматической ситуации. Узлы, или слоты, как обязательные компоненты, характеризуются речевой (ситуативной) зависимостью и поэтому могут быть выражены в языке разными способами. Ср. слоты и терминалы фрейма «Обман». В его структуре выделим три слота: а) *источник* – указание на причину обмана, б) *событие* – указание на сам процесс и характеристики обмана (способ проявления, интенсивность, экстенционал) и в) *следствие* – указание на то, как отразился обман на окружающих и на того, кого обманывают. Выделенные слоты – обязательные компоненты фрейма «Обманывать». В конкретной коммуникативно-прагматической ситуации они выступают в разных модификациях, получая, как правило, разную фразеологическую репрезентацию: *гнуть мулю* – (1-е значение) "обманывать", *забить мулю* – "обмануть", *забить телегу* – "рассказать небылицу", *загонять мулю* – "обманывать"; *запудрить мозги* – обмануть, *кинуть на бабки* – обманом завладеть деньгами, *гнуть пургу* – (2-е значение) "обманывать"; *ездить по ушам* – "обманывать" и др.

Как видим, при активизации фрейма приоритет получают разные сетевые связи актуализированных слотов, что, естественно, вызывает каждый раз иные образные ассоциации. Содержание фразеологического фрейма композиционно: оно складывается из знания периферийных смыслов фразеомобразующих компонентов, репрезентирующих соответствующие субконцепты в структуре данного фрейма. В силу своего композиционного характера в процессе мыслительных операций фразеологический фрейм предстаёт как

цельное единство – гештальт. Вместе с тем, в процессе самой операции ассоциативного объединения нескольких ментальных структур он изначально членим. Особенно ярко это проявляется при сопоставлении фразеологических единств и их свободно-синтаксических генотипов. Ср.: *садиться не в свои сани* – а) в прямом смысле и б) "браться не за своё дело"; *связывать руки кому* – а) в прямом смысле и б) "лишать способности свободно действовать", *заметь следы* – а) в прямом смысле (*лиса замечает свои следы*) и б) "уничтожать, устранять то, что может служить уликой в чём-либо". Такое ассоциативное объединение, если следовать концепции Ж. Фоконье и М. Тернера, можно назвать *концептуальной интеграцией*. Под концептуальной интеграцией (*conceptual blending*) Ж. Фоконье и М. Тернер понимают слияние двух ментальных пространств, при котором возникает новое пространство. В процессе фразеопорождения возникает новое, интегрированное ментальное пространство, в ассоциативно-образном созидании которого участвуют два исходных ментальных пространства, имеющие долговременный характер: а) базовая когнитивная структура (внутренняя форма), имеющая оперативный характер, и б) интегрированное когнитивное пространство фразеологического прототипа.

Фреймы, в отличие от концептов, обладают достаточно строгой внутренней структурой. Её образует весьма сложная конфигурация слотов (терминалов). Слоты с точки зрения содержащейся в них информации бывают простыми и сложными, т. е. в них кодируется стереотипная информация различной сложности. Простые слоты содержат, как правило, один из признаков отражённого в сознании объекта; сложные – разветвлённые фоновые знания: обыденные, языковые и даже энциклопедические. Так, фразама *Аника-воин* (ирон.) не только выражает значение "задира, хвастун, храбрый лишь на словах". За ней стоит целая фрейм-структура. Отдельные её слоты выражаются: (1) синонимами *шапками закидаем кого!* (*разг.*), *много думать* (*мнить, воображать, мечтать, полагать*) о себе (*разг., ирон.*); (2) антонимами *идти / пойти в огонь и <в> воду* за кого, за что; за кем (*разг.*) – "быть в состоянии совершить любой смелый поступок, предпринять любые самоотверженные действия, не раздумывая, жертвуя всем"; *не <из> робкого (трусливого) десятка* (*разг.*) –

"смелый, храбрый, небоязливый (о человеке)". Ср.: 1) *Откуда такая твёрдая уверенность? Объяснение простое: во-первых, наша войсковая часть вот уже без малого семьдесят лет держит марку образцовой, а это о чём-нибудь, да говорит; во-вторых, события последнего месяца из жизни в/ч изгоняют всяческие мысли о существовании в электростальских армейских рядах хотя бы одного Аники-воина* (Н. Юрьева. «Аты-баты»); 2) *В староверских деревнях, что издревна платили двойной налог «за веру» – платили по всякому, а чаще своей кровью – ратниками, сохранились тетрадки о «вечных». Наряду с такими известными, как Вечный Жид (в этих местах и его встречали), веровали и в Вечного Скомороха (у соседей с новгородчины он загостился до того, что в родню влез), а также и собственного Анику-воина* (А. Грог. «Аника-Воин»); 3) *Фандорин развел руками: – Ну вот, сударь. Полна площадь свидетелей, в том числе военного сословия. Или бейтесь, или из гвардии вон. Так гласит дуэльный статут. Задумчиво глядя ему в лицо, преображенец негромко произнёс: – Что ж, старичок, будь по-твоему. Это я сгоряча, на радостях, тебе убираться велел. А отпускать тебя, пожалуй, нельзя. Начирикал, поди, тебе воробышка, о чём не следовало... – Нет! – крикнул Митя. – Я ни слова! – А всё же так, шишки мочёные, верней выйдет. Пойдем, Аника-воин, пьряться. Где шпагу возьмёшь? – Одолжу у господина партионного начальника* (Б. Акунин. «Турецкий гамбит»).

Фрейм «Хвастовство» состоит из нескольких достаточно сложных слотов: **Первый слот** достаточно простой – содержит один признак "непобедимый" (он в той или иной степени присутствует в каждом из трёх предложений): имя Аника взято из византийской повести о герое Дигенисе, прозванном *anikitos* – непобедимый. Этот эпитет со временем стал собственным именем.

**Второй слот** – "бахвальство" (1-е предложение): в старинной народной сказке рассказывается про Анику, который, победив своего противника, стал бахвалиться, что теперь ему всё нипочём, что никто ему уже не страшен, даже сама Смерть. Услыхала Смерть эти слова и предстала перед хвастуном. Куда только девалась показная смелость Аники! Пришлось ему униженно вымаливать прощение у Смерти за свою дерзость.

**Третий слот** – "кукольный персонаж" (2-е предложение): Аника – любимый некогда простолюдинами персонаж ярмарочных балаганных спектаклей и кукольных представлений, весь сюжет которых сводился к

тому, что Аника без конца хвастается храбростью, а в финале, увидев смерть, страшно пугается, несмотря на то, что ему помогает Петрушка, палкой прогоняя смерть.

Обычно фреймы изолированно не существуют. В силу того, что отображаемые ими реальные или воображаемые ситуации тесно взаимодействуют между собой, они, чаще всего, обладают общими слотами, пересекаются, образуя в сознании сетевидную конфигурацию интерпретируемого фрагмента действительности. Причём, как показывает анализ, фреймовые структуры организованы иерархически. Это присуще и отдельным фреймам, и межфреймовым сетям. В первом случае в каждом фрейме можно выстроить некую иерархию с фиксированной вершиной и конкретизирующими её смыслами; во втором – доминантные (вышестоящие) и подчинённые (нижестоящие) фреймы.

«Фразеологическое видение» ситуации во многом определяется усвоенным с детства этнокультурным кодом. Его внимание может останавливаться на разных частях фрейма. В одной и той же лингвокультуре каждый «стоп-кадр» представляется или отдельной фраземой, её вариантом, синонимом, или фразеосемантической группой.

Если внимание привлечено к жёстко связанным слотам фрейма, они реализуются вариантными фраземами. Так обстоит дело при косвенно-производной вербализации фрейма «Лишение»: *оставлять (оставаться) с носом, оставлять (оставаться) на бобах, оставлять (оставаться) ни с чем, оставаться (оказываться) при пиковом интересе*. Выделение нежёстко связанных слотов вербализуется фразеологическими синонимами: а) *оставлять (оставаться) на бобах, оставаться (оказываться) при пиковом интересе*; б) *вверх дном, шиворот-навыворот*. Если же внимание рассредоточено по разным, не имеющим прямых смысловых связей, слотам фрейма, такие модификации фрейма выражаются разными фраземами, которые, однако, являются членами одной фразеосемантической группы. Именно так представлен в русской фраземике фрейм «Беспорядок» и его субфрейм «Путаница»: *концов не найти, расхлёбывать кашу, дым котлом (столбом), вверх дном, без толку*.

Если же в центре внимания оказываются противоположные фреймы, то их косвенно-производная номинация порождает фразеологические антонимы. Ср. фрейм «Порядок» (*в <полном> порядке, чин чинном*) и

фрейм «Беспорядок» (*вверх дном, вверх тормашками*). Представители разных лингвокультур в одном и том же фрейме могут наполнять некоторые слоты хотя и родственным, но всё же разным смысловым содержанием. Это нередко приводит к членению фрейма на субфреймы. Ср.: рус. *во всю ивановскую* – 1) очень громко (кричать, храпеть и т. п.); 2) очень быстро, со всей силой и т. п.; болг., если внимание сосредоточено на слоте «кричать, орать», – (*викам, крещя*) *колкото ми глас държи, с цяло (то си) гърло*; если в центре внимания оказывается слот «играть, шуметь» – (*свиря*) *много високо; (свиря, шумя, вдигам шум), та и умрелите ще събудя*; если внимание привлёк слот «храпеть» – (*хъркам*) *като заклан, като гатер, като мотор*.

Как видим, когнитивным субстратом семантической структуры фраземы выступает фрейм, который отражает определённый *прототип*, сформированный на основе прошлого опыта и соотносимый с хранящимся в памяти обобщённым представлением о стереотипной ситуации или запечатлённым в памяти идеальным образом некоторого предмета (явления). В связи с этим при кодировании и декодировании содержащейся в фраземе информации (в процессе соотнесения её с денотативной ситуацией) происходит оязыковление этой информации в соответствии прототипом вербализуемого фрейма.

Итак, при всём своём многообразии фрейм является структурой данных о стандартных (стереотипных) ситуациях. Формально фрейм-структуру образуют узлы и отношения между ними. Вершинный уровень фрейма (его ядро) соответствует постоянно для данной ситуации понятию. Особую роль играют терминальные узлы, называемые слотами. Слот задает определённый параметр, своего рода позицию, которая может заполняться конкретной информацией. Слоты фреймов – это «ментальные пространства». Понятие фрейма подразумевает также возможность проведения над ним различных операций, т. е. организации знания соответствует организация способов его обработки. Фреймы, лежащие в основе фразем, могут отражать стереотипные знания человека об участниках какой-либо ситуации не только в статике, но и в динамике.

**3. К проблеме фразеологической репрезентации фрейма-сценария.** Динамические ситуации структурируются особой

разновидностью фрейма – сценариями. Они отражают стереотипную последовательность действий, выполняемых в динамичной ситуации. Русский термин *сценарий* может быть переводом из англ. *scenario* и англ. *script*, последний из которых переводится на русский так же, как *скрипт*.

Во фреймах-сценариях слоты заполняются наборами типичных последовательных действий, традиционно воспроизводимых в типовой ситуации. Ярким примером фразеологической репрезентации фрейма-сценария может служить украинская фразема *дати (одержати) гарбуза* – "отказать сватающемуся жениху". За фразеологическим значением стоит отсценированное событие: в дом, где подрастает невеста, родители жениха посылают сватов. Те, в соответствии с предписываемым традицией сценарием, пытаются с родителями невесты завести театрализованную беседу, представляясь купцами, следующими из далёкого края за необычным товаром. Дескать, сорока на хвосте принесла, что в их доме имеется товар (краса-девица), а у них – богатый и знатный купец. В конце беседы положено спросить согласия невесты, которая, желая выйти замуж за этого парня, выносит вышитые ею рушники, а при отказе жениху преподносит сватам тикву (укр. *гарбуз*). Получить тикву (*одержати гарбуза*) – значит потерпеть неудачу в своём предложении руки и сердца.

Работы Филлмора последующих двух десятилетий были направлены на создание более гибкого подхода, который позволил бы объединить лингвистические представления о построении высказывания с психологическими данными о практически бесконечном многообразии ситуативно порождаемых значений [5; 6]. Этот новый подход получил название *фреймовой семантики*, что подчёркивает его сходство с работами в области психосемантики и искусственного интеллекта. Для формирующейся теории когнитивной фразеологии особую ценность приобретает разрабатываемая Филлмором концепция *фреймовой семантики*. На наш взгляд, она способствует объяснению того, каким образом дискурсивный контекст формирует концепт, который становится когнитивным субстратом фразеологического значения. Любой концепт, с этой точки зрения, хранит в себе лишь потенциальные фразеологические смыслы, которые раскрываются во взаимо-

действию с дискурсивным контекстом, или элементами соответствующего фрейма. Так, концепт «Риск» в составе фрейма имплицитно содержит целый спектр ролевых валентностей, в число которых, наряду с агенсом и потенциально пациентом, также входят такие смысловые конструкторы, как "неопределённость", "шанс", "вред", "польза", "ценность", "действие" и т. д. Ср.: *была не была, будь что будет, где наше не пропадало, чем чёрт не шутит, очертя голову, на свой страх <и риск>, ставить на карту* и др. Лишь часть из этих конструкторов актуализируется в конкретном коммуникативном эпизоде. Например: 1) *Это поразительное свойство характера русского мужика идти хоть на край света и на свой страх и риск брать дело по нутру да и по силам, вживаться в незнакомую природу...* (Б. Можаяев. «В Солдатове у Лозового»); 2) *В принципе можно выйти на разгадку кое-каких тайн духа и бытия, потому что, чем чёрт не шутит, может быть, литература в состоянии гораздо больше поведать о жизни, чем жизнь о самой себе* (В. Пьецух. «Новая московская философия»); 3) *С того дня я кинулась работать очертя голову, ломать традиционные условности, которые казались несокрушимыми, как мир* (Г. Вишневская. «Галина»). Только во фреймовом взаимодействии с контекстом выделенные фраземы вербализуют одну из фасет фразеологического значения: 1) *...идти хоть на край света и на свой страх и риск...* ("рассчитывать только на себя"); 2) *...выйти на разгадку кое-каких тайн духа и бытия, потому что, чем чёрт не шутит...* (чем чёрт не шутит – "всякое может случиться"); 3) *...работать очертя голову, ломать традиционные условности, которые казались несокрушимыми...* (очертя голову – "безрассудно").

Фреймы, следовательно, способны продуктивно влиять на семантику возникающего у слушателя/читателя фразеологического образа денотативной ситуации. Зависимость фразеологических значений от когнитивно-дискурсивного контекста объясняет ограниченность во фраземике явлений полисемии и омонимии, а также влияние лингвокультурного сознания на значение отдельных фразем, осложняющего или даже делающего практически невозможным их перевод на язык другой лингвокультуры.

В поисках таких когнитивных структур следует исходить из того, что большинство фразем своим значением моделирует денотативную ситуацию или сцену. На-

чальным пунктом моделирования денотативной ситуации является точка фокуса интенциональности (ТФИ) вербализации данной ситуации. Для этого в структуре концепта в качестве фокуса интенциональности выбирается некоторая область. Сама же динамика вербализуемой когнитивной структуры обуславливается факторами коммуникативно-когнитивной макростратегии. Начинается этот процесс с анализа информации о выбранной области концепта. Инструментом такого анализа служит структурированное образование, содержащее информацию о типизированной ситуации или ситуациях, поскольку выбор той или иной области концепта для вербализации как раз и продиктован ситуацией. Таким образом устанавливаются отношения не между целым концептом и фреймом, а между отдельной областью концепта, выбранной для вербализации, и соотносённым ей фреймом. В процессе такого анализа полученная информация форматируется изоморфно структуре фрейма, служащего инструментом анализа.

Поскольку критерии, обуславливающие направление движения точки фокуса интенциональности и, следовательно, выбора области концепта, подлежащей вербализации, включают в себя сведения о типизированных событиях и взаимодействиях, релевантных для данного коммуникативного акта, для данной ситуации производства высказывания, мы полагаем, что вербализация определённой области концепта должна идти через посредство фрейма, соотносённого с данной областью, а также при помощи соответствующего фрагмента тезауруса. Говоря о соотносённости концепта и фрейма, мы не можем согласиться с мнением о правомерности рассмотрения концепта как информации, объединённой и систематизированной в виде фрейма, из которого вытекает тезис о возможности использовать фрейм как модель построения соответствующего концепта (О. Г. Прохвачёва). Для построения концепта в нашем понимании совершенно не нужна модель. Концепт, состоящий из отдельных, но в то же время взаимосвязанных и взаимоопределяющих областей.

Структурированная информация поступает в структуру тезауруса. Именно в соответствии с пустыми пока структурными ячейками тезауруса и осуществляется выбор (наиболее адекватной для данной информа-

ционной модели) комбинации фразеосхемы и наполняющих её лексических компонентов фраземы. Иными словами, характер косвенно-производного знакообозначения некоторой области концепта или отдельного фрагмента этой области обуславливается конфигурациями фреймового моделирования стереотипной ситуации.

Так, сначала выделенная область актуализированного концепта «Человек» соотносится с неким прототипичным сочетанием слов, которое затем подвергается метафорическому или метонимическому преобразованию. Так, на первом этапе образного наименования простого, душевного и чрезмерно откровенного человека напрашивается сравнение его с растворённой нараспашку дверью. Затем образ открытой для всех двери соотносится с так же открытой для других людей душой – хранилищем самых заветных помыслов, намерений и желаний. Происходит метонимическое переосмысление словосочетания *дверь нараспашку* во фразему *душа нараспашку*, где лексический компонент *душа* является представителем человека в целом (метонимическое соотнесение *душа – человек* по модели «часть» – «целое»). При этом семантика вербализатора концепта «Человек» опосредованно участвует в формировании *обобщённо-целостного* смысла фраземы.

В конечном счете, *область некоторого концепта получает реализацию при помощи окказионального смысла и значения фрагмента высказывания в процессе коммуникации*. В зависимости от размеров того массива информации, который был считан ТФИ вербализации, он может получать реализацию посредством целого высказывания или даже группы высказываний, вследствие чего *на семантическом уровне*

*репрезентантом этого информационного массива станет глобальный смысл отдельного высказывания или текста.*

Примером того, как большой массив информации может быть передан малыми языковыми средствами, является фразема *днём с огнём не найти (не сыскать)* кого, что – "нельзя найти, даже прилагая значительные усилия"; *днём с огнём <ещё> поискать (надо)* – "о ком-л. или о чём-л. редком, выдающемся". Вербализация концепта «Исчезновение», на первый взгляд, протекает в два приёма. Сначала активизируется та зона концепта, которая выражена прямым значением лексического компонента *не найти*; затем активизируется ядро концепта «Исчезновение» – *поиск* посредством лексемы *днём*: ночью, ранним утром и вечером поиск невозможен. Сложность поиска актуализируется игрой лексических компонентов *днём с огнём*, где компонент *с огнём* служит интенсификатором внутренней формы данной фраземы. Языковая игра, основанная на смысловом сопряжении двух вербализаторов фразеобразующего концепта: каждый из них выражает условие успешного поиска (ср.: *день* – "самое светлое время суток" и *огонь* – "свет от осветительного источника; средство освещения чего-либо при поиске"). Фактор успешного поиска как бы *удваивается*, создавая, тем самым, все условия для результативного поиска.

Всё это, как представляется, может служить достаточным основанием для расширительного понимания в когнитивной фразеологии понятия «фрейм», по аналогии с расширительным истолкованием концепта [3, с. 79]. Продолжая данную аналогию, расширительный формат фрейма назовём «культурным фреймом» – он объединяет в одном общем представлении и устойчивые сочетания слов, и мифологемы, и ритуалы. Однако эта тема заслуживает отдельного исследования.

#### Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Когнитивные основания лингвосомиозиса // Kritik und Phrase. Festschrift für Wolfgang Eismann zum 65. Geburtstag. Herausgegeben von P. Deutschmann. Wien (Австрия): Praesens Verlag, 2007. P. 379–395.
2. Алефиренко Н. Ф. Фразеологическое значение: природа, сущность // Грани слова : сб. науч. ст. к 65-летию проф. В. М. Мокиенко. М. : Элпис, 2005. С. 21–27.
3. Алефиренко Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм : моногр. М. : Элпис, 2008. 271 с.
4. Величковский Б. М. Когнитивная наука: основы психологии познания. М. : Смысл, 2006. 432 с.
5. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М. : Прогресс, 1988. С. 52–92.
6. Fillmore Ch. The case for case // Universals in linguistic theory. New York, 1982. P. 1–88.
7. Johnson-Laird P. N. The Computer and the Mind. An Introduction to Cognitive Science. Cambridge (Mass.), 1988. 369 p.